

Lieshii; organ satiricheskago razdumia. Leshii

Call Number: 2006 Folio S65

Creator: Brodskii, Isaak Izrailevich, 1884-1939. Brut, N. N. Chernyi, Sasha. Chirkov, N. I. Dobrynin, P. S. Dymow, Ossip, 1878-1959. Evreinov, L. M. Faleeva, E. N. Feshin, Nikolai Ivanovich, 1881-1955. Gurvich, I. I. Karrik, Valerian Viliamovich, 1869-1942. Korobt

Date: 1905

Publisher: E. Zarudnaia-Kavos

Subjects: Russian wit and humor.

Political satire, Russian.

Caricatures and cartoons.

Periodicals --Russia --Saint Petersburg

Russia --History --Revolution, 1905-1907

Genres: Illustrations

Drawings

Political cartoons

Physical Description: 8 p.

col. ill.

36 cm.

Volume/Enumeration: no.2(1906)

Rights: More about permissions and copyright

We welcome any additional information you might have. If you know more about an image on our website or if you are the copyright owner and believe we have not properly attributed your work, please contact us.

Exhibition Note: Russian Graphic Art and the Revolution of 1905

Collection: Beinecke Library

Source Digital image/tiff

Format:

[A record for this resource appears in Orbis, the Yale University catalog](#)

[Beinecke Library Permissions and Copyright notice](#)

[Click here to begin looking at the images!](#)

Цѣна 15 коп.

ОШІН

1906

ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКАГО РАЗДУМЬЯ.

№ 2

И. И. Бродскій.

Тянутся по небу
Тучи тяжелыя...

П. Добрынинъ.

Ну вот!.. И Витте ибтъ, и Дурново ибтъ, и Дума собирается...

Я чуть не увлекся, чуть не заоралъ во всю свою лбшачью глотку: «весна»!.. Да, вбдь, и апрбль этотъ—хоть кого собьеть съ толку... Жара. Лягушки давно отмякли и квакають напраполю, комары роются... На радостяхъ я чуть не забылъ, какъ самъ «весну» недавно высмблывалъ. Разинулъ уже ротъ... Образумили меня «бюлетени»... Попался одинъ на глаза: ужъ не знаю, кто его въ лбсу обронилъ и по какой причинб... Прочиталъ. Обомлблъ. Весна... чорта съ два!...

До чего ужасенъ этотъ г-нъ Милюковъ!..

Политической мудрости и такта въ немъ — бр...р...р...зубъ на зубъ не попадаетъ!..

Пожаръ залить можетъ.—Вселенную залить. Не ушатъ,—море холодной воды!

И блекнетъ и съезживается, подъ струей этой политической мудрости, всякъ весенний цвбтъ. И сразу, въ одинъ мигъ—

Весна, весна! гдб твоя сладость?
Гдб вбчная къ ней рюма молодости?

Сразу—осень. Сбрай, сырай, туманная, равно далекая отъ лбта и зимы, отъ жизни и смерти. Бр-р-рб!

И до чего неотразимъ! Всб несогласны. Всб лбвбе. Всб «умирать» собрались за «народную свободу». (Это я изъ «бюлетеней»).

Но онъ сказалъ два слова—и «резолюция» готова: «Борьба за свободу—это ежели безъ конфликтовъ». Вотъ что значить борьба за свободу...

Впрочемъ, я, можетъ быть, тутъ чего-нибудь не понимаю еще...

Г-нъ Дероберти... тоже изволилъ высказать:

«Въ провинции даны наказы депутатамъ—умереть. Это напоминаетъ по своей жестокости среднй вбка. Люди двадцатаго вбка не могутъ такъ чувствовать, по

должны сказать депутатамъ: Всегда и вездб, во всбхъ обстоятельствахъ, дбйствуйте такъ, чтобы народу, защищающему васъ, было изъ-за чего умереть».

Ну, вотъ видите!.. Вотъ что такое «народная свобода»... Заманчивая штука... Но кто же могъ бы сразу понять?..

Понадутъ въ Таврическй дворецъ и другйе люди,— съ «весной» въ душб...

Одинъ такой недавно забрелъ ко мнб въ лбсъ.

— Дума, говорить, это генеральные штаты... А мы ихъ въ национальное собранйе повернемъ.

А я ему:

— Экъ, хватилъ! Вбдь, на лучший конецъ, ежели г. Горемыкинъ разбвшить, не генеральные, а кадетскйе выйдутъ штаты...

Осерчалъ.

— И острога, говорить, плохая, и не до остроги теперь...

Строгий.

Экъ! кабы эти строгйе на мудрость г-на Милюкова наплевали... Кабы такъ!..

Но вотъ ббда:

Ихъ захлестнеть кадетская волна!
А въ такомъ разб, господа,
Вся эта дума
Дастъ много шума,
Но столь же мало толка,
Какъ весны Святополка...

До свиданйя, читатель! Не обезсудъ, меня старика, за скверные стихи...

Это я съ горя... Вбдь намъ пока горе мыкать придется...

Ибтъ весны! Ибтъ и ибтъ! И не сейчасъ она будетъ... „Кадетъ“ весны не дблаетъ... Не въ Таврическомъ дворцб она зацвбтеть... Немного подождать придется... А надобно!..

Лышй.

В Р А Г И.

(изъ разсказовъ о войнѣ).

... Стрѣлявшій рядомъ ефрейторъ Мухинъ вдругъ ткнулся лицомъ въ брустверъ, всею грудью скользнулъ по краю земляной стѣнки и грузно упалъ на дно окопа; слѣдомъ за нимъ, качаясь, поползла винтовка. Штабсъ-капитанъ Березниковъ подхватилъ винтовку и, прижавъ къ брустверу, сталъ стрѣлять вмѣстѣ съ ротой.

Далеко внизу, отъ подошвы сопки, медленно и грозно взмывала на гору широкая, трещащая выстрѣлами волна; безъ числа ползли и перебѣгали маленькія, муравьиныя фигурки, надъ ними вспыхивали бѣлые дымки шрапнелей. Березниковъ стрѣлялъ. Въ головѣ шумѣло отъ коняку, отъ бессонной ночи, отъ равнившихся кругомъ снарядовъ; онъ стрѣлялъ—и вдругъ увидѣлъ: далеко впереди цѣпей, уже на половинѣ горы, прямо на ихъ окопъ бѣжалъ японецъ. Съ винтовкою въ рукѣ, нагнувшись и вытянувъ впередъ свободную руку, онъ бѣжалъ, странно напоминая куропатку,—и былъ одинъ.

— Вотъ кап-наля! — изумился Березниковъ. Онъ быстро измѣнилъ прицѣлъ, выстрѣлилъ — и промахнулся. Отдернулъ затворъ, выстрѣлилъ второй разъ — и опять промахнулся.

Японецъ продолжалъ бѣжать увѣренно и смѣло, какъ-будто его окружала толпа невидимыхъ товарищей.

— Ну-ка, Спинжаръ!.. Видишь? Кувырни-ка его!

Спинжаръ, лучший стрѣлокъ роты, приложился и выстрѣлилъ,—мимо; за нимъ, состязаясь, выстрѣлили еще трое,—мимо. А японецъ все продолжалъ бѣжать.

Скрывая вдругъ охватившее его волненіе, Березниковъ громко и протяжно скомандовалъ:

— Слуша-ай!.. Постоянный — по человѣку — залпомъ... Пли!!

Грянулъ залпъ, вокругъ ногъ японца забили струйки пыли, а онъ пригнулся ниже и побѣжалъ еще быстрее.

Что-то непонятно-волнующее пронеслось по окопу. Въ воздухѣ лопались шрапнели, нимозы рвали скалы, трещащая выстрѣлами волна взмывала снизу все выше, но никто ничего не замѣчалъ; всѣ безпорядочно стрѣляли по этому одному человѣку, который все продолжалъ бѣжать на нихъ. Было жутко и странно,—что же онъ можетъ сдѣлать одинъ, и зачѣмъ онъ бѣжитъ?

И вдругъ всѣ перестали стрѣлять.

Тогда случилось самое странное. Японецъ былъ уже шагахъ въ тридцати отъ окопа. Онъ замедлилъ шагъ и неожиданно сѣлъ на-земь, раскинувъ ноги. И онъ сидѣлъ такъ, опираясь сзади на руки, неподвижно смотрѣлъ на солдатъ, и вся его фигура вырисовывалась на синемъ осеннемъ небѣ. Видимо, онъ не былъ раненъ. И тѣмъ удивительнѣе было, что онъ сидитъ такъ спокойно, всею грудью противъ направленныхъ

на него дулъ, и какъ-будто широко, во весь ротъ, улыбается.

Березниковъ выскочилъ изъ окопа и, выхватывая на бѣгу пашку, побѣжалъ къ японцу. Какъ, для чего онъ это дѣлалъ, Березниковъ не зналъ; въ головѣ шумѣло, въ немъ какъ-будто пропала вѣра, что и теперь можно застрѣлить японца.

Японецъ все сидѣлъ, раскинувъ ноги и опираясь сзади на руки,—сидѣлъ и не двигался, и широко открытыми глазами смотрѣлъ на побѣгавшаго офицера. «Чего онъ смотритъ? Чего не защищается?» — смутно думалъ Березниковъ. Подъ желтымъ околышемъ съ звѣздочкой, на побѣлвшемъ, коричневомъ лицѣ онъ видѣлъ устремленные на него мутные глаза. Японецъ былъ въ припадѣ той острой, смертной усталости, которая не разъ въ эту войну наблюдалась при быстромъ взбѣганіи на высокія горы. Онъ широко открывалъ ротъ, какъ выброшенная на берегъ рыба, медленно дышала и смотрѣлъ непонимающими, задержанными дымою глазами. Слѣша и недоумѣвая, Березниковъ побѣжалъ и тягелою пашкою съ размаху ударилъ японца по головѣ.

Голова сухо хрястнула, японецъ быстро опрокинулся навзничъ, — странно — быстро, безъ крика, безъ судорогъ, какъ-будто онъ и раньше былъ мертвъ и только притворялся живымъ. И сейчасъ же изъ окопа поднялась стрѣльба начками по карабкавшимся на сопку цѣпямъ.

Березниковъ пошелъ назадъ. Онъ было наклонился, чтобъ обтереть о траву окровавленную пашку,—и не обтеръ; въ смутномъ туманѣ, наполнявшемъ голову, ярко мелькнуло лицо Зиночки въ пансіонскомъ платицѣ, какъ она большими, любопытными глазами будетъ разсматривать отцовскую пашку съ запекшеюся японскою кровью. Вдругъ что-то острою болью пронизало ему правую сторону груди, странно-перекосившіяся цѣпи наступающихъ побѣжали въ небо, сосѣдняя сопка опрокинулась на-бокъ, и все исчезло.

Н. Ф.

„Народная Свобода“ в затруднении.

Березниковъ очнулся. Былъ вечеръ, и было тихо. Гдѣ-то далеко бухали пушки, снизу неслись долгіе, протяжныя стоны. Онъ пошевелился, — острая боль схватила бока; и въ лѣвой ногѣ было больно. Хотѣлось пить, ужасно хотѣлось пить, и хотѣлось, чтобъ кто-нибудь ибжний наклонился надъ нимъ, положилъ руку на прострѣленную грудь, а ему чтобъ лежать и не шевелиться.

Морщась отъ боли, Березниковъ медленно приподнялся на рукахъ, сѣлъ и оглядѣлся. Кругомъ въ перемешку валялись русскіе и японскіе трупы, была, должно быть, жестокая рукопашная схватка. Въ двухъ шагахъ лежалъ навзничъ Сникеръ съ огромной штыковой раной въ груди и то раскрывалъ, то закрывалъ тускліебюіе глаза. Внизу, по широкой равнинѣ, стался бѣловатый туманъ; сосѣдняя сопка, громадная, черная и твердая, тяжело стояла на этомъ колебавшемся морѣ тумана; вдаль длинными рядами уходили другія сопки, — тихія, ясныя подъ свѣтомъ зари.

Вдругъ Березниковъ почувствовалъ, что сбоку кто-то смотритъ. Онъ быстро повернулъ голову. Шаговъ за десять отъ него, надъ трупами темнѣло залитое кровью лицо, и съ этого лица смотрѣли два черныхъ глаза, — смотрѣли пристально, какъ будто дѣлились въ Березникова. Красный воротникъ, чуждый покроемундира... Березниковъ торопливо схватился за револьверъ.

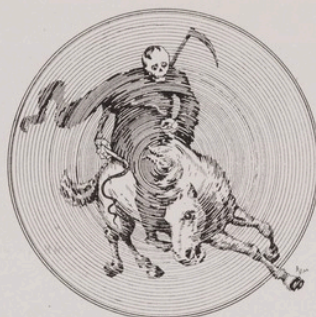
Японецъ, съ ружьемъ на руку, продолжалъ смотрѣть на него пристальными, дѣлящимися глазами. Съ минуту они выжидающе глядѣли другъ на друга, — молча, сжимая въ рукахъ оружіе. Вдругъ японецъ махнулъ рукою въ сторону, вопросительно взглянулъ на Березникова и отложилъ винтовку. Березниковъ нерѣшительно опустил револьверъ.

Японецъ улыбнулся, кивнулъ головою и поползъ къ Березникову.

Онъ осмотрѣлъ раны офицера, туго перетянулъ бинтомъ его грудь и перевязалъ прострѣленную голень. Березниковъ вглядывался и все яснѣе соображалъ, — это тотъ самый японецъ, котораго онъ хватилъ шашкою по головѣ.

— Ну, теперь... этого... Теперь моя тебѣ, — хрипло произнесъ онъ, показывая пальцемъ на голову японца.

Японецъ поднялъ брови, слабо улыбнулся и наклонилъ голову съ короткими и жесткими черными волосами. Березниковъ поспѣшно срывалъ обложку съ перевязочнаго пакета, а самъ смотрѣлъ, морщась и закусывая губы: края раны были набухшіе, съ слипшимися въ крови волосами, бѣла разсѣченная кость, а изъ черной трещины выползало что-то мягкое и сѣрое, на что было страшно смотрѣть. Онъ поспѣшно прикрылъ трещину марлею и наложилъ повязку. Японецъ выпрямился и сѣлъ на пятки.

Березниковъ жадно и нерѣшительно косился на алюминіевую флягу на его боку. Японецъ поймалъ его взглядъ и предупредительно протянулъ флягу.

— Ахъ, братецъ, во-отъ спасибо! — обрадовался капитанъ и принялъ губами къ горлышку.

Японецъ смотрѣлъ, улыбаясь своимъ залитымъ кровью лицомъ.

— Хао (хорошо)? — спросилъ онъ по-китайски.

— Хао, — отвѣтилъ Березниковъ, возвращая флягу, и тоже улыбнулся бѣлыми, безкровными губами.

Лицо японца улыбалось, но глаза смотрѣли скорбно, и въ нихъ была смерть. Онъ надѣлъ фуражку на повязанную голову, шатаясь, всталъ и сдѣлалъ Березникову подъ козырекъ. Березниковъ протянулъ руку, крѣпко пожалъ руку японца и задержалъ ее въ своей рукѣ. Въ груди у него что-то задрожало.

— Маманди (погоди)! — сказали онъ и за руку потянулъ японца къ себѣ. Японецъ, внимательно глядя ему въ глаза, присѣлъ. Березниковъ обнялъ его за плечи, вдругъ всхлинулъ и крѣпко, ибсколькo разъ поцѣловалъ его въ губы съ рѣдкими жесткими усамй.

Березниковъ ползъ. Больно было въ ногѣ, больно было въ боку, все въ душѣ слилось въ одно ощущеніе боли, все въ мозгу слилось въ одну мысль, — доползетъ ли онъ куда-нибудь? Передъ глазами неизмѣнно были два шага сухой, потрескавшейся земли съ рѣдкою желтоватою травкою. Догорала заря, — тускло-оранжевая, странно-расплывчатая. Колыхавшееся по равнинѣ бѣловатое море тумана потемнѣло и притихло; смутный, мышино-сѣрый, онъ мрачно и неподвижно приникъ къ землѣ; былъ жутко-таинственъ этотъ необычный и такой тихій туманъ.

Ужъ давно бы пора быть мѣсяцу, — отчего его нѣтъ? Березниковъ оглядывалъ горизонтъ, но мѣсяца не было; становилось все темнѣй, и только длинныя, бѣлесыя, какъ будто слабо свѣтящіеся полосы тянулись въ молчаливомъ, сѣромъ туманѣ.

Березниковъ ползъ внизъ по полю, межъ двухъ грядъ съ острыми, косо-срѣзанными стеблями коалана. Охватывало сыростью, мышино-сѣрый туманъ подступалъ ближе и становился бѣловатымъ. Но отчего же нѣтъ мѣсяца? Небо за отрогомъ сопки какъ будто посвѣтлѣло, — должно быть, всходитъ... Острыя, рвущія боли при каждомъ движеніи, два шага земли передъ глазами... Будетъ ли конецъ пути?

Канава, поросшая по краямъ ирисомъ, за нею — дорога. Березниковъ прилегъ на невысокій валъ и закурилъ. И вдругъ онъ справа увидѣлъ мѣсяцъ, — высоко, совсѣмъ не тамъ, гдѣ его искалъ: какъ будто мѣсяцъ сразу вылетѣлъ откуда-то изъ горъ. Но онъ былъ не въ небѣ; выпуклый, ярко-оранжевый

шарь висѣлъ гдѣ-то вдали, въ золотившемся вокругъ туманѣ. И все кругомъ было смутно и необычно, и смутно было въ душѣ, и весь міръ кругомъ былъ какой-то другой, не вседневный. А мѣсяць,—странный, выпуклый,—смятенно несся на дорогу; онъ какъ будто заблудился въ этомъ мутномъ туманѣ, безпомощно плыль въ немъ, искалъ и не находилъ неба.

Березниковъ затаился папирской.

— Кто идетъ? — раздался въ туманѣ грозный и испуганный голосъ.

Это былъ казачій разъѣздъ.

Носилки тихо и плавно качались. Выпуклый мѣсяць пожегѣлъ, но онъ по-прежнему безпомощно и недоумло плыль въ золотистомъ, прозрачномъ туманѣ, искалъ и не находилъ неба.

Все хорошо. Итъгъ болѣе, конецъ пути. Но отчего же итъгъ счастья и успокоенія? Что незабытою тяжестью давить душу?

Ахъ, да... Подъ шапкою сухо хрястнула черепъ, изъ черной трещины выползло что-то сѣрое и мягкое, залитое кровью лицо улыбалось, а изъ глазъ скорбно смотрѣла смерть... Милый, милый япоша! Спасибо ему. И какъ онъ хорошо перевязалъ ногу. Дай ему Богъ!.. Но итъгъ, не то. Отчего же такъ тяжело въ душѣ, такъ смятенно и необычно?

И Березникову вдругъ вспомнилось, какъ они цѣловались. Вотъ. Вотъ это... Кроваво-пьяный хмѣль, исковерканный тѣла, тяжелые удары, раскалывающіе черепъ,—пускай; само по себѣ это бы все ничего. Выше души, выше жизни можешь стоять что-то вели-

кое и свѣтлое, передъ чѣмъ ничтожны и своя жизнь и всѣ чужія; неустовою ненавистью замутится тогда душа противъ того темнаго, что встаетъ навстрѣчу, и въ этой ненависти все забудется; и, умирая, враги будутъ рваться другъ къ другу, не видя одинъ въ другомъ человѣка,—иначе они вѣдь увидѣли бы это и раньше. А такъ, какъ здѣсь... Сейчасъ рубили и увѣчили другъ друга, потомъ перевязывали другъ другу раны и цѣловались. Что же это такое?.. «Наше ремесло—умирать и убивать»... Развѣ возможно дѣлать это во имя ремесла, а не во имя того безмѣрно-великаго, что одно только способно освятить и кровь, и смерть?

Въ перевязочномъ шатрѣ горѣлъ огонь, и шла сѣшная работа. Кругомъ стояли подъ открытымъ небомъ носилки съ ранеными, санитары подносили все новыхъ и новыхъ. Рядомъ съ Березниковымъ лежалъ стрѣлокъ, раненный шимозою въ голову; онъ метался въ бреду, ворочалъ окровавленную голову и твердилъ:

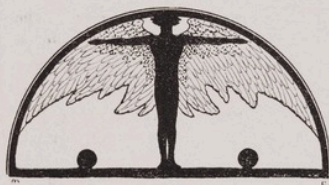
— Ой, пустите мене на бѣлый свѣтъ!

Мѣсяць давно нашелъ небо и равнодушно сіялъ на немъ вседневнымъ, плоскимъ кружкомъ; но по-прежнему смутно и необычно было въ душѣ.

— Мамонько!.. Ридная!.. — звалъ въ бреду стрѣлокъ.

Хотѣлось плакать отъ этого дѣтскаго призыва большого человѣка къ матери. И отовсюду неслись оханья, всхлипывающіе стоны. Какъ будто громадное, отвратительное колесо прокатилось по этимъ окровавленнымъ, изувѣченнымъ тѣламъ. И были въ душѣ только стыдъ и отвращеніе.

В. Вересаевъ.

* * *

Они застрѣлили его, безоружнаго...
Онъ блѣденъ былъ, итъмъ, недвижимъ.
И холоды, и ужасъ злодѣйства ненужнаго
Повисли надъ міромъ глухимъ.
Ложились на вѣтви сѣвѣнки усталыя,
Клубился ползучій туманъ
И падали капли—горячія, алая
На мертвый, безстрастный курганъ.
... Обмануты были—тупые, покорные...
Въ ихъ мутныхъ, тяжелыхъ зрачкахъ
Зіяли безумія пропасти черныя
Сквозь мрачную злобу и страхъ.

Обманы людскіе... О, трижды проклятые!
Ты, Высшій, имъ путь укажи!
Скажи имъ, что братья безвинно распяты
Искали спасенія отъ лжи;
Скажи имъ, что ужасъ насилья звѣринаго
Позорно, безумно стережъ,
Что гибнуть подъявши мечъ на невиннаго,
На брата подъявши мечъ!
... И свѣжи, и юны сѣвѣнки усталыя,
Пробились лучи сквозь туманъ
И падаютъ капли—горячія, алая
На тихій, безвѣстный курганъ...

Л. М. Василевскій.

A. K.

Beinecke
Library
2006
Folio
565
2

А. М. Любимовъ.

Членъ Думы.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЬСНЯ.

(драматический этюд).

С. Ю. Витте сидит у стола и пишет обѣими руками, причемъ правая не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая.

1-й интервьюеръ (входя). Не сообщите ли для свободной прессы причины, побудившія ваше сіятельство подать въ отставку?

С. Ю. Витте. Во-первыхъ, не уговаривайте меня остаться. Во-вторыхъ, я противъ винной монополіи. Я не могу помириться съ этимъ заблужденіемъ правительства.

2-й интервьюеръ (стремительно входя). Не сообщите ли... для свободной прессы...

С. Ю. Витте. Знаю. Единственная причина моего ухода—это невозможность мириться съ условіями, въ какія поставлена печать. Печать должна быть свободной. Это мое глубокое убѣжденіе. Глубочайшее! Знаете, что я вамъ скажу: если бы меня, какъ неофициальнаго редактора «Русскаго Государства», вздумали привлечь къ отвѣтственности, то, клянусь, я бы закрылъ газету совсѣмъ, совсѣмъ!.. Не уговаривайте меня остаться!

3-й инт. (вбѣгая). Просимъ сообщить причи...

С. Ю. Витте. Я очень радъ. Но развѣ ужъ такъ трудно догадаться? Исторія съ Ганомъ! Ахъ, эта ужасная исторія! Правительство даетъ какія то 30 тысячъ, словно серебрянники, правительство поддерживаетъ сношенія съ этимъ подозрительнымъ человекомъ. И все это я долженъ былъ стерѣть? Что? Простить это? Не уговаривайте меня, я человекъ мягкій на меня легко повліять. Забыть? Что? Ну, вотъ видите, на половину вы меня уже уговорили...

4-й инт. (заныхавъ). Умоляемъ дать свѣдѣ...

С. Ю. Витте. Единственной причиной моего ухода: дѣло Спиридоновой. Вѣдь это такъ естественно. У меня первы не изъ веревки. А тысячи и тысячи людей, посаженныхъ въ тюрьмы только потому, что они... Но, нѣтъ! не будемъ объ этомъ говорить. Всякое прикосновеніе къ свѣжимъ ранамъ болѣзненно. (остальнымъ) Господа, о чемъ вы шепчетесь?

Интервьюеры. Мы молчимъ.

С. Ю. Витте. Нехорошо, плохо, господа. Вѣдь я просилъ, я умолялъ васъ не уговаривать меня. Я человекъ слабый. Да и какъ устоять, если вся русская печать проситъ...

Интервьюеры. Мы не просимъ.

С. Ю. Витте. Не просите? Миѣ показалось...

5-й интервьюеръ (влетая). Честь имѣю освѣдомиться...

С. Ю. Витте. И вы еще спрашиваете? Причина одна: заемъ. Слыханое ли дѣло, чтобы за нѣсколько дней до Думы заключить заемъ? И на какихъ униженныхъ условіяхъ! (таинственно) Вы думаете, я не догадываюсь, на что пойдутъ деньги? Эге! Меня не такъ-то легко надуть. (Еще таинственнѣе) На пулеметы... А? Каково? И вы, послѣ этого, спрашиваете!..

6-й инт. Но, если не ошибаюсь, ваше сіятельство сами...

С. Ю. Витте (вдругъ, изъ Гоголя). Пошли вонъ, дураки!

Интервьюеры въ ужасѣ бѣгутъ.

С. Ю. Витте (говоритъ по телефону). Немедленно опровергните: никакой бесѣды съ журналистами у меня не было... (подумавъ) и быть не могло!..

Занавѣсь.

О. Д—овъ.

ЕГО КАРАТЕЛЬСТВУ.

(прощальная ода).

— Сахалинецъ мой сіятельный!
Монополь-премьеръ карательный!
Что тебя такъ исковеркало?

Аль глядѣлся часто въ зеркало?
«Я задумался предъ Думою,
Предъ крамолою угрюмою,
Предъ заимствованной суммою!
Положеніе невѣрное,—

Исторически прескверное!»
— Поводыръ нашъ во безпутіи,
Столпъ отечества въ распутіи!
Графъ казенный отъ-портсмутіи!
Передъ Думою кадетскою
Встань-ка въ позу кабинетскую! *)

«Всталъ бы я, да миѣ неможется!
Уложилъ бы, не уложится!
Разогналъ бы, да умножится!
Для блюденія достоинства
Не хватаетъ больше воинства...

— Эко дѣло пезадачное!
Что жъ, сіятельство кабачное,
Не кидать же мѣсто значное!..
Плюнь крамолѣ въ рожу мерзкую
И держись за роль премьерскую!

«Охъ, и плюнуть бы винушительно..
Охъ, какъ плюнуть соблазнительно!
Да меня, бѣднягу, скрючило:
Горемыкинское чучело
Предназначено премьерствовать,
А моя судьба—дери́верствовать,
Въ брилліантахъ кавалерствовать
Съ пулеметнымъ моимъ сродникомъ —
Съ Дурново Петромъ угодникомъ...
И засядемъ мы за шторами,
И пребудемъ тамъ суфлерами!»

Чужакъ-Чуженинъ.

*) Здѣсь предполагается кабинетъ министровъ, а не другое.

И. Ф.

ВИРШИ НА ОТКРЫТІЕ ГОСУДАР- СТВЕННОЙ ДУМЫ.

(съ настроеніемъ).

Гудятъ колокола и громяхаютъ пушки...
Долой молчанія великаго печать!
И веселья гражданнѣ, и на макушкѣ—ушки,
И плакать хочется, и хочется кричать...
О, онъ на все глядитъ влюбленными глазами...
И съ устъ его готовъ сорваться нѣжный стихъ!
О, онъ готовъ теперь браться съ казаками
И даже лобызать въ уста городовыхъ!..
Ни сыщиковъ кругомъ, ни страшной черной сотни...
Впервые такъ великъ къ свободѣ мощный зовъ!..
Нагнись же, гражданинъ, и въ каждой подворотнѣ
Узришь припрятанныхъ, на случай, казаковъ!

Чужь-Чуженинъ.

МЕЛОЧИ и КУСОЧКИ.

НѢЧТО БИБ. ПОГРАФИЧЕСКОЕ.

— Вы слышали, вышла книжка х... Надо купить.
— Говорятъ, скучно...
— А!
— И конфискована уже...
— Ну, значить, необходимо купить!

Х.

ПО ПОВОДУ СЪѢЗДА.

— Поразительное единодушіе!
— Но и двоедушіе...
— Согласенъ. Скажемъ такъ: поразительно едино-
душное двоедушіе...

У.

НА УЛИЦѢ.

— Какъ ваше мнѣніе: выйдетъ что хорошее изъ
думы?
— Мое мнѣніе, что всему хорошему придется изъ
нея выйти...

З.

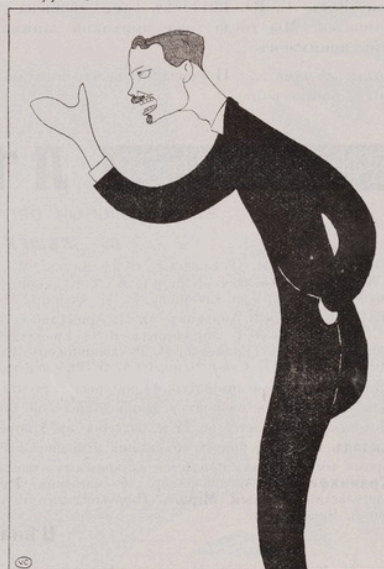

НАШИ ОПОВЕРЖЕНІЯ.

Въ виду выхода въ отставку С. Ю. Витте этотъ
отдѣлъ остается не заполненнымъ.

Ред.

В. Карри къ.

Ф. Н. Родичевъ.

ОТДѢЛЪ КРИТИКИ.

КРИТИЧЕСКІЙ ФЕЛЕТОНЪ ВЪ ЛИЦАХЪ.

Наши беллетристы.

Левъ Толстой. И старый Левъ остается львомъ.

Л. Андреевъ. Цѣлая исторія! Александръ роди Николая; Николай роди Ивана; Иванъ—Льва; Левъ—Антонъ; Антонъ—выписавъ въ крестные Гюи изъ Парижа—роди сего Леонида... Опроверженіе пословицы: и «тонко» и почти нигдѣ не «рвется». Рационаленъ въ ирраціональномъ... И ледяныя иглы его ума, такія острыя и холодныя, впиваются въ раскаленный пламень души и не таютъ... Методъ заочнаго обученія не чистописанію, а жизнеписанію.

М. Горькій. Какъ свѣтъ на голову, какъ «беззаконная комета въ кругу разсчитанныхъ свѣтилъ»... «Бувъ вилъ, та скозятися», утверждаютъ скептики-хохлы. Подождемъ: пожалуй, опять свѣтъ на голову... «Чертовски люблю кляксы!» и потому пишу драмы...

П. Д. Боборыкинъ. Трудю и чадолюбивъ. Поспѣваетъ. Въ теченіе столѣтней связи съ бесплодной музой умудрялся ежегодно производить на свѣтъ по дюжину злободневнѣйшихъ младенцевъ. Вопросъ: живыхъ?

Н. Минскій.

Заунывное бряцаніе,
О „маонахъ“ проищаніе...
Вдругъ—о мигъ!—
Онъ ужъ большевикъ...
На вопросъ: кто онъ?
Мой отвѣтъ: — м а о н ѣ .

Наши публицисты.

„Русь“, „Молва“ и т. д. «Съ пылу, съ жару... Самыя свѣжія политическія новости! Не угодно-ли?»

„Речь“. «Критикуете? А вы бы въ нашу шкуру вѣзли... Вотъ С. Ю. Витте въ «дни свободы» какъ изворачивался? Мы тогда тоже критикой занимались. А теперь понимаемъ»...

„Наша Жизнь“... «И сказали бы что-нибудь... Да что? Вотъ вопросъ»...

Публицистъ „Большевикъ“.

— Мой девизъ—въ бараній рогъ!

— Но, Вл. Пл., вѣдь такъ говорятъ голубые...

— А я—въ другую сторону.

Persifleur.

В. Каррикъ.

Леонидъ Андреевъ.

Л Ъ Ш І Й

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКАГО РАЗДУМЬЯ.

Въ „ЛЪШЕМЪ“ принимаютъ участіе:

ХУДОЖНИКИ: И. И. Бродскій, Н. Н. Брутъ, М. М. Далькевичъ, П. С. Добрынинъ, Л. М. Евренновъ, Е. С. Зарудная-Кавось, М. Ф. Ивановъ, В. В. Каррикъ, А. А. Кулиновъ, Е. Е. Лансере, А. Б. Лаховскій, А. М. Любимовъ, В. Никитинъ, М. И. Педашенко-Третьякова, г-жа Собинова, Н. И. Фешинъ, Н. Г. Цириготи и друг.

ПИСАТЕЛИ: Е. В. Аничковъ, М. П. Арцыбашевъ, Г. В. Бартеневъ, А. И. Богдановичъ, А. И. Венцовскій, В. В. Вересаевъ, В. Н. Гордінъ, А. Г. Горнфельдъ, В. П. Крапихфельдъ, В. В. Каррикъ, А. И. Купринъ, А. А. Лукьяновъ, Л. И. Лутугинъ, М. Невѣдомскій, И. Н. Потапенко, И. Рукавишниковъ, Ник. Рыбацкій (псевд.), Евг. С—о (псевд.), Сила Дворяниновичъ (псевд.), Танъ, Дмитрій Цензоръ, Саша Черный, А. А. Яблоновскій и друг.

Художественный и литературный матеріалъ просятъ направлять въ редакцію „Лѣшаго“—Улица Гоголя, д. 14, кв. 14.

Для личныхъ переговоровъ редакція открыта по вторникамъ, отъ 1 часу до 3-хъ.

Подписка принимается по 75 к. за серію въ 5 номеровъ, съ пересылкой 1 руб.

Складъ изданія, пріемъ объявленій и подписки въ конторѣ „Лѣшаго“—Измайловскій полкъ, 6 рота, д. 25, кв. 8.

Кромѣ того журналъ продается въ книжныхъ магазинахъ: „Трудъ“, Невскій, 60; газеты „Наша Жизнь“, Невскій, 19; В. П. Крапихфельдъ, Англійскій пр., 40; магазинъ „Русской Газеты“, Невскій, 52; Дресслера, уг. Б. и М. Дворянской; въ книгоиздательствѣ „Новый Міръ“, Николаевская, 61 и во всѣхъ его отдѣленіяхъ. Въ Москвѣ: „Трудъ“, Тверская, 38 и Агентство А. Яричевъ и К°.

Цѣна номера 15 коп.

Редакторъ М. Миклашевскій (Невѣдомскій).

Издательница Е. Зарудная-Кавось.

Завѣдывающій художественно-технической стороной изданія М. Далькевичъ.